

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

К. А. Филиппов

НЕМЕЦКИЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Размышления о статусе, функциях
и перспективах изучения

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

К. А. Филиппов

НЕМЕЦКИЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

Размышления о статусе, функциях
и перспективах изучения

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2008

ББК 81.2 Нем
Ф53

Научный редактор серии *А. С. Герд*

Рецензенты:

доц. *Л. Н. Григорьева* (С.-Петербург. гос. ун-т),
проф. *А. В. Зеленщиков* (С.-Петербург. гос. ун-т)

Филиппов К.А.

Ф53 Немецкие местоимения (размышления о статусе, функциях и перспективах изучения). — СПб., 2008. — 24 с.

В докладе обобщаются авторские наблюдения над немецкими местоимениями, анализируются новые подходы к интерпретации этой группы слов, проводится сравнение данных об использовании местоимений говорящими, обладающими разным уровнем коммуникативной компетенции, в различных ситуациях общения, в устной и письменной речи. Особое внимание уделяется личным и указательным местоимениям, обеспечивающим соотношение высказывания с определенным фрагментом действительности (референтом).

Предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей, занимающихся проблемами связной речи, грамматики немецкого языка и теории референции.

ББК 81.2 Нем

© К.А. Филиппов, 2008

© Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008

1. К вопросу о природе местоимений. — 2. Личные местоимения в системе указательно-заместительных слов. — 3. Личные местоимения и онтогенез речи. — 4. О соотношении личных и указательных местоимений в устной и письменной речи. — 5. Личные местоимения и референциальная неопределенность высказывания. — 6. Перспективы дальнейшего изучения немецких местоимений.

Целью настоящего исследования является обобщение некоторых наблюдений, сделанных автором ранее и посвященных изучению немецких местоимений (см. Филиппов 1991, 1992, 1995, Filippov 1992, 1993, 1997), анализ новых фактов, осмысление полученных результатов в свете последних работ немецких грамматистов и определение путей дальнейшего изучения немецких местоимений.

1. К вопросу о природе местоимений

Классическая лингвистика занималась, как известно, изучением местоимений в первую очередь как слов, обладающих способностью замещать имя. Такая трактовка сущности местоимений, закрепленная в самом названии этих слов (рго 'вместо', помен 'имя'), имеет давнюю традицию, восходящую к античности (см., например, Жаров 1984: 6–7 или *Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini* 1985: 189). Проблема выявления роли местоимений в соотношении описываемого события с актом речи выдвинулась на передний план более поздно, в XIX в., и изменение традиционного взгляда на местоимение нередко связывается с именем Г. Штейнталя, проводившего различие между «качественными» и «указательными» словами. Такого взгляда (со ссылкой на В.В. Виноградова) придерживается, например, О.Н. Селиверстова (см. *Селиверстова* 1988: 28).

Нисколько не умаляя заслуг Г. Штейнталя в разработке этой проблемы, следует, однако, отдать приоритет в открытии нового направления в изучении местоимений великому В. Гумбольдту, оказавшему, как известно, огромное влияние на все лингвистическое творчество Г. Штейнталя (подробнее см. *Helbig* 1986: 20–21). В своей работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», выполненной в 1830–1835 гг. (т. е. задолго до Г. Штейнталя), В. Гумбольдт писал: «Большое число слов имеет как бы повествовательную или описательную природу, обозначает движения, свойства и объекты сами по себе, безотносительно к какой бы то ни было предполагаемой личности; напротив, в других случаях как раз выражение последней или косвенная отсылка к ней составляет главную сущность значения. Мне кажется, что в одной из более ранних работ я сумел показать, что местоимения должны быть первоначальными в любом языке, и что представление о том, что местоимение есть самая поздняя часть речи, абсолютно неверно.

Представление о чисто грамматическом замещении имени местоимением подменяет в таком случае более глубокую языковую склонность. Изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке противопоставление своего "я". Но само понятие "я" предполагает также и "ты", а это противопоставление влечет за собой и возникновение третьего лица, которое, выходя из круга чувствующих и говорящих, распространяется и на неживые предметы. Лицо, в частности "я", если отвлечься от конкретных признаков, находится во внешней связи с пространством и во внутренней связи с восприятием» (Гумбольдт 1984: 113–114).

Именно эта точка зрения В. Гумбольдта на связь местоимений с личностью говорящего, находящегося в «постоянном непосредственном соприкосновении с природой», обусловила поворот лингвистической мысли к анализу местоимений не только как слов, способных замещать имя, но и как элементов дейктической системы языка. Здесь уместно вспомнить, что введение понятие дейксиса в аппарат современной лингвистики связывается с именами К. Бругмана и К. Бюлера (см. *Селиверстова* 1988: 28), а само понятие дейксиса служит для описания «ориентационных свойств языка, связанных с местом и временем произнесения высказывания» (Лайонз 1978: 291). Так, при анализе высказывания *Hier war ich gestern* ('Здесь я был вчера') правильное определение ролевых и пространственно-временных координат акта коммуникации, т. е. выяснение ответов на вопросы *wer?*, *wo?*, *wann?* (кто?, где?, когда?), возможно только при знакомстве с конкретной ситуацией общения (пример взят из: *Ulrich* 2002: 58).

Сравнивая современную трактовку дейктических слов с приведенным выше мнением В. Гумбольдта, нетрудно убедиться в том, что немецкий ученый, определяя сущность местоимений, первым поставил во главу угла «личность самого говорящего», что сохранилось в трактовке дейктических слов до настоящего времени. Ср., например, следующее определение С.Д. Кацнельсона: «Основными признаками дейктических слов являются: 1) ситуативность, т. е. смысловая зависимость от ситуации речи, вне которой значение таких слов расплывчато и неясно; 2) эгоцентризм, т. е. постоянная отнесенность к субъекту речи; 3) субъективность: внешний объект выделяется не по его собственным признакам, независимым от говорящего лица, а по совершенно случайному для него признаку соотносительности с говорящим лицом; 4) мгновенность и эфемерность актуального значения, меняющегося от одного случая употребления к другому» (Кацнельсон 1986: 11). Несомненно, что в основе таких признаков дейктических слов, как эгоцентризм, субъективность и ситуативность, лежит та самая «личность говорящего, которая находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой», о чем говорил В. Гумбольдт.

Отзвук чеканных слов Вильгельма Гумбольдта пронизывает мысли многих известных лингвистов. Он слышен в словах Ю.С. Степанова, характеризующего новую, прагматическую, парадигму философии языка: «Новая парадигма философии языка характеризуется по сравнению с предыдущими двумя радикальными отличиями: 1) весь язык соотносится с субъектом, который его использует, — с "Я"; 2) все основные понятия, используемые для описания языка, релятивизируются: имена, предикаты, предложения — все рассматриваются теперь как функция (хотя, конечно, разного рода)» (Степанов 1985: 216). Он слышен в мыслях Д. Лайонза о релятивизации местоимений: «По мере того, как роль говорящего в речи переходит от одного участника к другому, переключается и "центр" дейктической системы ("я" используется каждым говорящим для указания на себя самого, а "ты", "вы" — для указания на слушающего). Говорящий всегда как бы находится в центре высказывания» (Лайонз 1978: 292). Его присутствие ощущается также при характеристике других катего-

рий (например, пространства и времени), позволяющих релятивизировать высказывание не только относительно коммуникативного акта и его участников, но и относительно речевого и неречевого контекстов (см., например, словарные статьи «Включение» и «Переключение» в «Объяснительном словаре теории языка» А. Греймаса и Ж. Курте: *Греймас, Курте* 1983). Л.В. Щерба писал: «... Мы имеем полное право сказать, что вообще все формы слов и все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента» (*Щерба* 1974: 25).

Таким образом, начиная с В. Гумбольдта, в изучении местоимений на передний план выдвигается проблема их функционирования как составной части дейктической системы языка, однако исследователям приходится учитывать при этом также характерные особенности местоимений как слов-заместителей. Видимо, именно по этой причине Ю.С. Маслов в своем классическом «Введении в языкознание» относит местоимения и местоименные наречия к указательно-заместительным словам, фиксируя в самом названии их двойную функциональную направленность (см.: *Маслов* 1987: 166).

2. Личные местоимения в системе указательно-заместительных слов

Традиционная лингвистическая теория давно обратила внимание на сходство некоторых местоимений с именами существительными. Так, Л.В. Щерба, характеризуя части речи в русском языке, прямо указывает на то, что «целый ряд так называемых "местоимений" приходится считать существительными», и включает в эту группу все личные местоимения (*Щерба* 1974: 83). Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева, квалифицируя местоимения как часть речи, указывающую на предмет, явление или на его свойство, качество, подразделяют эту группу на местоимения субстантивного характера и на местоимения адъективные и относят личные местоимения к первой группе (*Зиндер, Строева* 1957: 128). Аналогично поступают немецкие грамматисты Г. Хельбиг и И. Буша, включающие личные местоимения в число «субстантивных местоимений» (*substantivische Pronomina*) (*Helbig, Buscha* 1974: 218–220). В академической «Краткой русской грамматике» личные местоимения также названы первыми в разряде «местоимений-существительных», объединяющих небольшую группу слов, указывающих на предмет в грамматическом смысле этого слова (*Краткая русская грамматика* 1989: 205).

Л. Теньер, прямо называя личные местоимения «личными субстантивами» (*substantifs personnels*), обращает внимание на то, что они «отличаются от собственно существительных тем, что указывают на лица и предметы не прямо называя их: *le père* "отец", *le livre* "книга", а по грамматическому лицу, то есть по их отношению к собеседнику: *moi* "я", *toi* "ты", *lui* "он"» (*Теньер* 1988: 130). Вслед за Э. Бенвенистом он возражает против традиционной, или, по его выражению, «психологической», классификации личных местоимений, предусматривающей различие 1-го лица, т. е. того, которое говорит, 2-го лица, т. е. того, которому говорят, 3-го лица, т. е. того, о котором говорят. Л. Теньер (вслед за Э. Бенвенистом) показывает, что все языковые факты, которые могут быть привлечены в данном случае, свидетельствуют о наличии двух бинарных оппозиций, накладывающихся одна на другую — «корреляции персональности» и «корреляции субъективности» (*Теньер* 1988: 130–131).

«Корреляция персональности» противопоставляет «лицо» (1-е или 2-е) «не-лицу» (3-е) (*Теньер* 1988: 131). Таким образом, 3-е лицо, по словам Э. Бенвениста, «имеет в качестве постоянной отличительной черты и постоянной функции способность представлять уже в

самой форме неличный инвариант, и ничего больше» (Бенвенист 1974: 265), в то время как универсальной чертой местоимений 1- и 2-го лица является значение одушевленности (см. также: Гак 1989: 124–125). Местоимения 3-го лица, как отмечал еще В. Гумбольдт (см. выше), могут относиться как к одушевленным, так и неодушевленным предметам.

«Корреляция субъективности», по Э. Бенвенисту и Л. Теньеру, «противопоставляет лицо говорящее и лицо, к которому обращаются; именно благодаря этому противопоставлению по отношению к "не-я" говорящий осознает свою субъективную персональность, свое "я"» (Теньер 1988:131). Однако и представленная выше антиномия «я» / «не-я» не могут охватить, по мнению некоторых авторов, все многообразие отношений, возникающих в коммуникативно-речевом акте. Ю.С. Степанов считает, например, что одной из основных линий прагматической интерпретации высказывания является «расслоение» «Я» говорящего: на «Я» как подлежащее предложения, «Я» как субъекта речи и, наконец, на «Я» как внутреннее «Эго», которое контролирует самого субъекта (Степанов 1983: 30).

Как видно, бинарные оппозиции Э. Бенвениста и Л. Теньера не охватывают всего спектра переменчивых прагматических характеристик коммуникативно-речевого акта. Внутри корреляции субъективности трудности возникают как относительно интерпретации 1-го лица, испытывающего, как было показано выше, несомненную тягу к собственному расслоению, так и относительно интерпретации 2-го лица, употребляемого не только для указания на «того, кому говорят», но и для выражения «обобщенного субъекта» (Гак 1989: 136). Внутри корреляции персональности такие трудности касаются в основном интерпретации 3-го лица, семантическим компонентом которого (пусть и частичным компонентом) «лицо» (в значении человек) все же является (Абрамов 1987: 115), и таким образом «не-лицо» содержит некоторые признаки «лица».

Пытаясь вырваться из круга возникающих противоречий, современные исследователи предлагают другие, более гибкие, по их мнению, схемы учета ролевых характеристик коммуникативно-речевого акта. В качестве примера можно привести схему, предложенную Б.А. Абрамовым. Вместо грамматической категории лица Б.А. Абрамов предлагает оперировать категорией коммуникативных ролей, учитывая при этом:

- 1) участие в коммуникативной ситуации (ее участники / неучастники);
- 2) роль участников в коммуникативной ситуации: активная (автор речевых актов) / пассивная (их адресат(ы)).

Всем инвентарям языковых средств, входящих в функционально-семантическое поле коммуникативных ролей, можно приписать, по мнению Б.А. Абрамова, одну и ту же структуру следующего вида: 1) количественная оппозиция: единственное / множественное число; 2) ролевая оппозиция: единственное число (1-, 2-, 3-я роли) / множественное число (1-, 2-, 3-я роли). Таким образом, коммуникативные роли приписываются не только единичному человеку или предмету, но и некоторым его множествам (Абрамов 1987: 114–117; 1999: 59–61).

Однако в реальной коммуникации взаимоотношения между ролевыми и количественными характеристиками коммуникативно-речевого акта зачастую оказываются гораздо более сложными, чем это представлено Б.А. Абрамовым. Как показывают исследования, взаимодействие категорий персональности и количества с прочими компонентами высказывания приводит к образованию смысловых отношений, выходящих за рамки коммуникативной дифференциации грамматических разрядов лица и значений единичности / множественности (Сотникова 1990: 10–11).

3. Личные местоимения и онтогенез речи

Попытаемся осветить некоторые малоизвестные моменты природы и функционирования личных местоимений как составной части указательно-заместительных слов. Известно, что идентификация референта, т. е. соотнесение элементов речевого сообщения с объектами реального мира, и связанные с ней коммуникативные неудачи составляют одну из основных проблем, с которыми сталкиваются участники коммуникативно-речевого акта в процессе производства и восприятия речи (см., например: Гудман 1989: 209–258.). Поэтому выявление закономерностей в использовании личных местоимений, входящих в фонд автономных единиц языка, которые участвуют в осуществлении референции (*Лингвистический энциклопедический словарь* 1990: 411), говорящими разных возрастных групп, т. е. в онтогенезе речи, поможет пролить свет не только на малоизученные стороны местоимений, но и на динамику развития языковой личности.

Наши наблюдения над особенностями употребления личных местоимений говорящими разных возрастных групп основываются на анализе четырех групп текстов, авторами которых были немецкие школьники и студенты, проживавшие в одной местности ФРГ (земля Северный Рейн-Вестфалия). I группу текстов образовали записи речи школьников 6-го класса в возрасте 11–12 лет; II группу текстов — школьников 9-го класса в возрасте 14–15 лет; III группу текстов — школьников 13-го класса (гимназии) в возрасте 18–19 лет; IV группу текстов составили записи речи студентов в возрасте свыше 22 лет. Как видно, разница между возрастными группами была не менее 3–4 лет, что объективно предполагало разницу в уровне коммуникативной компетенции индивидов. Общий объем текстов составил 14775 слов (I группа — 3573, II — 3444, III — 2980, IV группа — 4778).

Следует подчеркнуть, что при записи материала во всех случаях одинаковыми были цель речи и сфера общения (представление проблем системы образования в ФРГ), тип речевого контакта (интервью), внешние условия общения (ведение записи на месте учебы интервьюируемых); однородными сохранялись каждый раз социальный статус и характер отношений между говорящими (участие в интервью отдельно школьников и студентов разных возрастных групп). При подсчетах учитывались не только местоимения в форме номинатива, как это приведено в табл. 1, но и местоимения в косвенных падежах. Вежливая форма *Sie*, относимая в традиционных грамматиках к 3-му лицу мн. числа, учитывалась вместе с формой 2-го лица мн. числа, потому что она выражает обращение к «тому (или тем), кому говорят», т. е. ко 2-му лицу.

Ниже приведены данные о количестве личных местоимений в речи говорящих четырех рассматриваемых возрастных групп (см. табл. 1).

Приведенные в табл. 1 данные дают основание говорить о личных местоимениях как об одной из наиболее употребительных лексических групп в современном немецком языке. Их доля в общем словарном массиве четырех групп текстов составляет 5,2 %, причем в двух первых группах эта доля несколько выше, чем в двух других группах текстов (ср.: I — 6,5 %; II — 5,6, III — 3,9, IV — 4,6 %). Для сравнения укажем, что сочинительный союз *und*, являющийся, по оценкам немецких лексикографов, одной из наиболее употребительных лексических единиц в немецком языке (см.: *Wörterbuch der Sprachschwierigkeiten* 1984: 489), встретился в четырех группах текстов 595 раз, что составляет 4 % от общего числа слов.

Таблица 1. Количество личных местоимений в речи говорящих разных возрастных групп

Местоимения		Группа текстов				Всего
Лицо, число	Номинативная форма	I	II	III	IV	
1 ед.	ich	84	128	75	175	462
2 ед.	du	12	1	—	8	21
3 ед.	er, sie, es	31	9	3	16	59
1 мн.	wir	92	52	23	11	178
2 мн.	ihr	5	—	4	3	12
3 мн.	sie	9	4	10	8	31
Всего		233	194	115	221	763

В самой группе личных местоимений первое место по употребительности занимают местоимения 1-го лица ед. и мн. числа (640 случаев), затем следуют местоимения 3-го лица ед. и мн. числа (90 случаев) и заключают этот ряд местоимения 2-го лица ед. и мн. числа (33 случая). Заметим, что данная тенденция характерна не только для всех четырех групп текстов в целом, но и для каждой группы в отдельности (см. табл. 1).

В связи с немногочисленностью местоимений 2-го лица в анализируемом материале (всего 33 случая в четырех группах текстов) целесообразно сосредоточить внимание на рассмотрении местоимений 1-го и 3-го лица ед. и мн. числа, тем более что предлагаемые наблюдения расходятся с некоторыми общеизвестными положениями лингвистической теории.

При сопоставлении данных о количестве местоимений 1-го лица в речи говорящих рассматриваемых возрастных групп обращают на себя внимание две любопытные и, по-видимому, взаимосвязанные тенденции, касающиеся соотношения местоимений 1-го лица ед. числа (*ich*) и мн. числа (*wir*) среди других личных местоимений: по мере повышения возраста говорящих употребительность местоимений 1-го лица ед. числа увеличивается, а употребительность местоимений 1-го лица мн. числа последовательно падает.

Действие обеих тенденций несомненно определенным образом связано с процессом формирования так называемой «Я-концепции» говорящего. По свидетельству психологов, «Я-концепция» — это «относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе» (Психология 1990: 475). Становление «Я-концепции» обусловлено широким социально-культурным контекстом, что, естественно, не может не затрагивать и языковую сферу.

Динамику количественного роста местоимений 1-го лица ед. числа в речи по мере повышения возраста говорящих можно объяснить, если обратиться к особенностям формирования «Я-концепции» в подростковом и юношеском возрасте. В психологической литературе упоминается, что изучение образов «Я» у немецких гимназистов в возрасте 12, 16 и 19 лет (что примерно совпадает с нашими возрастными группами) показало их значительное изменение от 12 к 16 годам, после чего образ «Я» стабилизируется (Жон 1989: 94). Другие исследования свидетельствуют о том, что большие изменения по отношению к образу собственного «Я» наблюдаются также при переходе к так называемой «зрелой идентичности», т. е. в возрасте между 18 и 21 годами (там же: 93). Нетрудно убедиться в том, что эти данные психологов хорошо коррелируют с нашими данными об употребительности местоимений 1-го лица ед. числа.

Совершенно противоположную тенденцию обнаруживают данные о количестве местоимений 1-го лица мн. числа, свидетельствующие о стойком падении (до определенного уровня) употребительности этих местоимений по мере повышения возраста говорящих. Это явление, несомненно, связано с увеличением в речи местоимений 1-го лица ед. числа и соответственно со становлением «Я-концепции» говорящего. Для объяснения этого феномена нам снова необходимо обратиться к достижениям психологической науки.

Психологи установили, что «дети ориентируются на достижения и формы поведения сверстников, причем стремление "быть как все" в определенной степени стимулирует развитие ребенка и подтягивает его до общего среднего уровня» (Венгер, Мухина 1988: 276). Становясь членом коллектива (в школе, классе, спорте и т. п.), ребенок (подросток) «глубоко привязывается к окружающим его людям, к духу и целям группы как единства. Он подсознательно отождествляет свою личность с этим человеческим единством, по-настоящему дорожит причастностью к нему» (Добрович 1987: 160). Эта общность людей осознает себя в определенной степени как особая группа — «мы», «противостоящая всем остальным» (Каган 1988: 213). И, напротив, по мере взросления и развития человек находит больше различий между собой и «усредненным» сверстником (Кон 1989: 86).

Таким образом, если на более ранних ступенях своего развития индивид в силу неполного расцвета «Я-концепции» вынужден в значительной мере ориентироваться на поведение (в том числе и речевое) своих сверстников (или того сообщества, которому он принадлежит в силу каких-либо личных интересов), то по мере упрочения образа своего собственного «Я» он все больше осознает свою независимость от окружающих его индивидов. Постепенное становление «Я-концепции» индивида влечет за собой усиление независимости его позиции в актах общения, что, в свою очередь, обуславливает более частое употребление «самоутверждающего» «Я» вместо «коллективно-усредняющего» «мы», рамки которого становятся тесными для формирующейся индивидуальности.

Местоимения 3-го лица по своей употребительности значительно уступают местоимениям 1-го лица (см. табл. 1), и их меньшее число объясняется, кроме всего прочего, также тем, что среди указательно-заместительных слов (куда входят местоимения и местоименные наречия), которые сами по себе образуют, по словам Ю.С. Маслова, «особую систему, параллельную системе назывных частей речи и в "миниатюре" своеобразно дублирующую ее» (Маслов 1987: 166), имеются единицы, в свою очередь дублирующие друг друга в функциональном отношении. Примером такого взаимного функционального дублирования в немецком языке могут служить личные (3-го лица ед. числа *er, sie, es*; мн. числа *sie*) и указательные (ед. числа *der, die, das*; мн. числа *die*) местоимения, способные заменять некоторые структурные элементы из предшествующего (реже последующего) контекста. Например: *Wo ist denn Karl? Der (вместо er) sitzt im Zimmer; Er fragte nach der Kranken, aber die (вместо sie) war schon wieder entlassen* (примеры взяты из: *Wörterbuch der Sprachschwierigkeiten* 1984: 121).

Таким образом, в немецком языке существуют две схожие системы дублирования имени, что значительно усложняет проблему интерпретации местоимений 3-го лица, потому что трудно себе представить автономное, независимое функционирование этих систем в речи.

Однако наряду с усложнением анализа личных местоимений сам факт существования аналогичной системы дублирования имени может оказать неоценимую услугу исследователю, занимающемуся проблемами онтогенеза речи, потому что взаимная дистрибуция этих двух систем на разных этапах развития говорящего лица может быть различной и соответственно являться показателем коммуникативной компетенции индивида. Поэтому пред-

ставляется целесообразным не отдельное исследование местоимений 3-го лица, а изучение особенностей дистрибуции личных и указательных местоимений в рассматриваемом материале. (Здесь и далее под обозначением «личные местоимения» следует понимать местоимения 3-го лица (*er, sie, es; sie*) и их падежные формы, а под обозначением «указательные местоимения» — указательные местоимения в форме, омонимичной определенному артиклю (*der, die, das; die*) вместе с их падежными формами. В предлагаемом анализе не учитываются случаи прономинального замещения с помощью других разрядов местоимений, потому что их число значительно уступает двум рассматриваемым способам).

Современные немецкие словари и грамматики обычно обходят своим вниманием дистрибуцию вышеназванных дублирующих систем. Как правило, в них лишь указывается на сходство личных и указательных местоимений при выполнении анафорической функции (Jung 1973: 342). Изредка упоминается о некоторых дистрибутивных ограничениях, накладываемых языковой системой на указательные местоимения при употреблении в речи: 1) использование обычно только в сфере разговорной речи и 2) снижение стилистической окраски в результате употребления (*Wörterbuch der Sprachschwierigkeiten* 1984: 121). Отмечается также, что в устной речи указательные местоимения «притягивают» к себе особый «различительный тон» (*Unterscheidungston*) (Schulz, Griesbach 1988: 170), позволяющий отличать их от омонимичных грамматических форм. Особую позицию в этом вопросе занимает известный немецкий исследователь Х. Вайнрих (подробнее см. в разделе 6 о перспективах дальнейшего изучения местоимений).

Ниже приводятся данные о количестве личных и указательных местоимений в речи говорящих разных возрастных групп (табл. 2). Уже самые первые наблюдения позволяют судить о целесообразности их совместного изучения. Суммарные данные выявляют тенденцию к уменьшению количества местоименных замен в речи по мере увеличения возраста говорящих (ср.: I — 95, II — 57, III — 38, IV — 52). Однако еще более наглядную картину демонстрируют относительные величины, позволяющие учитывать долю личных и указательных местоимений в общем словарном массиве соответствующей группы текстов, т. е. отношение числа личных и указательных местоимений к общему количеству слов в соответствующей группе текстов (ср.: I — 2,6 %, II — 1,7, III — 1,25, IV — 1,1 %). Характерно, что на определенном этапе развития индивида суммарное падение употребительности личных и указательных местоимений практически прекращается, т. е. происходит стабилизация их функционального веса в речи, поскольку употребительность, как известно, является отражением функциональной значимости языковых элементов в речи (Турыгина 1988: 35).

Таблица 2. Количество личных и указательных местоимений в речи говорящих разных возрастных групп

Местоимения		Группа текстов				Всего
Разряд	Номинативная форма	I	II	III	IV	
Личные	<i>er, sie, es</i>	40	13	13	24	90
Указательные	<i>der, die, das</i>	55	44	25	28	152
Всего		95	57	38	52	242

Анализ относительных величин, характеризующих отдельно употребительность личных и указательных местоимений в речи говорящих разных возрастных групп, позволяет дополнить выявленную картину некоторыми принципиальными положениями, требующими обстоятельного осмысления. Во-первых, устойчивую тенденцию к падению (до определенного уровня) употребительности обнаруживают только указательные местоимения (ср.:

I — 1,5 %, II — 1,3, III — 0,8, IV — 0,6 %), в то время как использование личных местоимений в речи сначала падает, и затем отмечается небольшой, но стойкий рост (ср.: I — 1,1%, II — 0,4, III — 0,45, IV — 0,5%). Во-вторых, самое большое количество как личных, так и указательных местоимений наблюдается в речи самой младшей возрастной группы, т. е. в речи индивидов с самым низким (из исследованных возрастных групп говорящих) уровнем коммуникативной компетенции. В-третьих, наиболее близкие значения употребительности личных и указательных местоимений имеют место в IV группе текстов, т. е. в речи индивидов с самым высоким (из рассмотренных) уровнем коммуникативной компетенции. В-четвертых, противоположность тенденций, характеризующих употребительность личных и указательных местоимений, показательна только для определенного этапа развития говорящего лица (см. данные II, III и IV групп текстов), что, вероятно, каким-то образом связано с саморегуляцией языковой системы, осуществляющей перераспределение языковых средств посредством нейтрализации одних средств и активизации других. По-видимому, таким способом происходит стабилизация отдельных звеньев языковой системы.

Итак, между употребительностью личных местоимений и возрастом говорящих существует определенная взаимосвязь, выражающаяся в перераспределении функциональной нагрузки одних разрядов местоимений в пользу других разрядов. В речи эта взаимосвязь проявляется, в частности, в том, что местоимения 1-го лица мн. числа (*wir*) уступают часть своего функционального пространства местоимениям 1-го лица ед. числа (*ich*), а прономинальное замещение с помощью указательных местоимений уступает дорогу замещению с помощью личных местоимений. Разумеется, прономинальное замещение с помощью указательных местоимений не исчезает вовсе из речи, однако сфера его применения в значительной мере ограничивается устной речью. Что касается письменной речи, то в ней преобладает прономинальное замещение с помощью личных местоимений.

4. О соотношении личных и указательных местоимений в устной и письменной речи

Для получения конкретных данных о соотношении личных (*er, sie, es; sie*) и указательных местоимений (*der, die, das; die*) в устной и письменной формах речи было проведено специальное исследование на материале художественных текстов, отличающихся друг от друга рядом параметров.

Всего к анализу было привлечено 14 художественных произведений трех современных немецких авторов: одиннадцать радиопьес и одна пьеса (комедия) Гюнтера Рюккера, роман Руди Штраля и повесть Генриха Бёлля (см. список источников). Выбор данного художественного материала обуславливался следующими причинами:

1. Радиопьесы, судя по их целевому назначению, изначально создаются автором в расчете на слуховое восприятие аудиторией и соответственно должны нести в себе необходимые черты устного текста, в противном случае они просто не будут восприниматься слушателями или это восприятие будет значительно затруднено (подробнее см. *Kleine Enzyklopädie* 1983: 366–367). Кроме того, из 11 радиопьес Г. Рюккера 6 написаны автором в форме повествования «от 1-го лица», т. е. в форме монолога, а другие пять — в форме диалога (полилога). Таким образом, данный материал дает возможность сопоставить данные анализа, противопоставленные по признаку «монологическая речь — диалогическая (полилогическая) речь», тем более что количество словоупотреблений в обеих группах было примерно равным: монологические тексты — 35246, диалогические (полилогические) тексты — 35656.

2. В отличие от радиопьес комедия Г. Рюккера создавалась в расчете как на слуховое, так и на зрительное восприятие аудиторией. Единство автора в обоих случаях создавало предпосылки для ответа на вопрос, в какой степени целевое назначение художественного произведения (в данном случае радиопьес и комедийной пьесы) влияет на выбор способа местоименного замещения.

3. Два прозаических произведения (роман и повесть) были изначально ориентированы исключительно на зрительное восприятие (чтение) адресатом. Особенность романа Р. Штраля состоит в том, что он написан от лица человека, профессионально занимающегося устной речевой деятельностью (конферансье). В результате несчастного случая (автомобильной аварии) главный герой – автор повествования временно лишается способности говорить и вынужден общаться с внешним миром с помощью писем, записок; кроме того, часть его рассуждений изложена в виде дневниковых записей. Предполагалось, что профессиональная направленность главного героя на устное общение с аудиторией должны была найти свое отражение также в соответствующем выборе языковых средств автором произведения при изображении речи персонажа. Что касается повести Г. Бёлля, то ее форма дает прекрасные возможности для изучения письменного синтаксиса.

Ниже (табл. 3) представлены данные о количестве и соотношении личных и указательных местоимений во всех четырнадцати художественных текстах. Всего в этих текстах было зафиксировано 4007 личных и 306 указательных местоимений в функции замещения.

Таблица 3. Количество и соотношение личных и указательных местоимений в художественных текстах

Жанр и название	Количественные данные			Соотношение, %			
	Словоупотребления	Местоимения		В группе местоимений		В генеральной совокупности	
		личн.	указ.	личн.	указ.	личн.	указ.
Радиопьесы							
В форме монолога							
Der Platz am Fenster	6127	206	24	89,6	10,4	3,36	0,39
Der Platz ... gegenüber	6822	217	8	96,4	3,6	3,18	0,12
Erzählung...	5013	283	–	100	–	5,65	–
Requiem...	4772	199	8	96,1	3,9	4,17	0,17
Garne und Gewebe	6215	158	13	92,4	7,6	2,54	0,21
Siebzig Jahre	6297	120	14	89,5	10,5	1,91	0,22
В форме диалога (полилога)							
Das Modell	6838	254	19	93,0	7,0	3,71	0,28
Portrait...	6568	271	39	87,4	12,6	4,13	0,59
Private Galerie	8557	204	65	75,8	24,2	2,38	0,76
Sieben Takte Tango	6139	108	27	80,0	20,0	1,76	0,44
Einer Reise zusehen	7554	175	20	92,1	7,9	2,32	0,26
Пьеса (комедия)							
Der Herr Schmidt	12869	153	28	84,5	15,5	1,19	0,22
Роман (в письмах)							
Mein Zustand...	20230	512	16	97,0	3,0	2,53	0,08
Повесть (стилизация под репортаж)							
Die verlorene Ehre...	28981	1147	25	97,9	2,1	3,96	0,09

Таким образом, соотношение личных и указательных местоимений в письменной речи (ср.: личные местоимения — 92,9 %, указательные местоимения — 7,1 %) значительно от-

личается от данных устной неподготовленной речи взрослых носителей немецкого языка (и тем более речи детей).

Соотношение личных и указательных местоимений в монологической и диалогической (полилогической) речи (этот анализ был проведен на материале радиопьес) показывает, что небольшую тенденцию к сближению с данными устной неподготовленной речи обнаруживают только результаты анализа радиопьес в форме диалога (полилога). Ср.: радиопьесы в форме монолога: общее количество словоупотреблений — 35246, количество личных местоимений — 1183 (94,6 %), количество указательных местоимений — 67 (5,4 %); радиопьесы в форме диалога (полилога): общее количество словоупотреблений — 35656, количество личных местоимений — 1012 (85,6 %), количество указательных местоимений — 170 (14,4 %).

Результаты подсчетов, представленные в табл. 3, свидетельствуют также о том, что, кроме радиопьес в форме диалога (полилога) наиболее близкими к данным устной неподготовленной речи оказываются результаты анализа пьесы (комедии) (ср. соотношение личных и указательных местоимений — 84,5 и 15,5 %). В то же самое время соотношение местоимений в двух рассматриваемых прозаических произведениях (романе и повести), рассчитанных только на зрительное восприятие адресата(-ов), весьма далеки от данных устной неподготовленной речи. Ср.: соотношение личных и указательных местоимений в романе — 97,0 и 3,0 %, в повести — 97,9 и 2,1 %.

Аналогичную картину (с незначительными отклонениями) демонстрируют данные о соотношении личных и указательных местоимений в генеральной совокупности того или иного художественного произведения, т. е. с учетом общего числа словоупотреблений в тексте (эти данные представлены в табл. 4). Если поставить анализируемые художественные тексты в порядке возрастания в них доли указательных местоимений в процентах (т. е. в порядке, отражающем тенденцию к сближению с устной неподготовленной речью), то тексты расположатся в такой последовательности: роман в письмах (0,08) — повесть (0,09) — радиопьесы в форме монолога (0,19) — пьеса (0,22) — радиопьесы в форме диалога (0,47). При расположении художественных текстов в порядке возрастания в них доли личных местоимений в процентах последовательность будет обратная (с небольшой перестановкой внутри цепочки): повесть (3,96) — радиопьесы в форме монолога (3,36) — радиопьесы в форме диалога (2,83) — роман в письмах (2,53) — пьеса (1,19).

Таблица 4. Соотношение личных и указательных местоимений в художественных текстах различного жанра, %

Местоимения	Радиопьесы		Пьеса	Роман	Повесть
	в форме монолога	в форме диалога			
Личные	3,36	2,83	1,19	2,53	3,96
Указательные	0,19	0,47	0,22	0,08	0,09

В принципе, полученные данные хорошо согласуются с известными научными положениями, характеризующими различные виды коммуникации. Как уже отмечалось выше, разговорная речь (т. е. устная неподготовленная речь) чаще всего реализуется в коммуникации в форме диалога; кроме того, в разговорной коммуникации говорящий имеет возможность при построении высказывания опираться на окружающую обстановку. Поэтому не удивляет тот факт, что наибольшее число указательных местоимений было обнаружено в радиопьесах в форме диалога (полилога) и в пьесе, т. е. в художественных текстах, носящих на себе отпечаток наиболее характерных черт разговорной коммуникации.

5. Личные местоимения и референциальная неопределенность высказывания

Обмен информации между людьми обычно сосредоточен на объектах действительности и отношениях между ними. Способность строить высказывание в соотношении с действительностью (реальной или мнимой) в значительной мере зависит от фонда знаний индивида, и в этой связи в теории языка принято различать три вида референции: интродуктивную (предмет известен только говорящему: «*Есть у меня один друг*»), идентифицирующую (объект известен как говорящему, так и адресату: «*Этот ребенок никого не слушает*») и неопределенную (объект вообще не входит в фонд знаний собеседников: «*Петр женился на какой-то студентке*») (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 411). Таким образом, фонд знаний говорящего оказывает существенное влияние на выбор референциальных средств при построении высказывания, что, в свою очередь, во многом обуславливает успешное (или соответственно неудачное) течение коммуникации, потому что многие коммуникативные неудачи напрямую связаны с неправильной идентификацией референта высказывания (см., например: Гудман 1989).

Во время речевого взаимодействия человек, по словам Т. ван Дейка, «постоянно выделяет черты, релевантные для данной ситуации, и следит за переходом одной ситуации в другую» (Дейк 1989: 30). При отображении обычных ситуаций в тексте говорящий использует то один, то другой пласт своих фоновых знаний, что накладывает отпечаток на семантико-синтаксическую структуру текста. В частности, это касается применения говорящим референциальных средств при изображении различных отрезков действительности. В настоящей статье делается попытка выявления некоторых референциальных особенностей речи, связанных с обращением говорящего к различным пластам своих фоновых знаний.

Рассмотрим, например, небольшой текстовый фрагмент, в котором автор — преподавательница немецкого языка Рурского университета (г.Бохум) отвечает на вопрос интервьюера: *Wie sieht ein normaler Schultag aus?* (Как выглядит нормальный рабочий день?), заданный в присутствии учеников: *Ja, ich weiß nicht, ein normaler Tag... Also, er kann so aussehen — vielleicht sollte ich ganz kurz was zu den... zu der Kursaufteilung sagen, denn — em — das ist ja nicht repräsentativ für alle Kurse, die hier laufen, das ist — wie gesagt — ein Grundkurs. Wir haben angefangen... die meisten von den Studenten mit Null-Kenntnissen; wir haben phonetische Übungen gemacht am Anfang und uns bis nach Weihnachten eigentlich hauptsächlich beschäftigt mit Einübung von Strukturen und — em — fangen erst allmählich an, nach der... nach dem Erwerb von Basiskenntnissen uns etwas zu unterhalten — über bestimmte Probleme in der Bundesrepublik, wie Bildungssystem oder Hochschulen oder Situation von Gastarbeitern hier in der Bundesrepublik; und... ein Unterrichtstag kann aussehen, dass wir ein Großteil damit verbringen, eben Strukturübungen zu machen zur Festigung von grammatischen Kenntnissen auch. Wir haben jetzt eingeführt, dass — em — die Studenten reihum kleine Referate oder Vorträge halten über bestimmte Probleme ihrer — Situation ihrer Länder, aus verschiedenen Aspekten. Wir machen ziemlich viel Hausarbeiten; also, ich gebe... schriftliche Arbeiten zu Hause, Tests in Form eventuell von Diktaten.*

Очевидно, что при построении текста диктору постоянно приходится обращаться то к индивидуальным, то к общим (с данной учебной группой) фоновым знаниям. Присутствие учеников побуждает преподавательницу употреблять в своей речи обобщающее *мы* (*wir*), подчеркивая тем самым свою принадлежность к группе в рамках учебной ситуации. Одновременно сам факт обобщающего *мы* предполагает, что представляемая модель построения «нормального учебного дня» действительна для всех без исключения членов коллектива.

Однако кроме фактов, объединяющих членов данной группы в рамках учебной ситуации, в реальной действительности существуют факторы, разрушающие это единство изнутри. Одним из таких «разрушительных» факторов является асимметричность социальных отношений, связывающих пару *учитель — ученик(и)*. Учитель, являющийся полноправным участником коммуникации в рамках учебной ситуации, одновременно принадлежит к другой группе (например, преподавательской), противопоставленной «ученической» группе как в силу различий в социальном статусе, так и в силу разницы в общеобразовательном уровне (подробнее об асимметричности социальных отношений партнеров по коммуникации см.: *Henne, Rehbock 1982: 32–35*).

Точно так же студенты, являющиеся вместе с преподавателем полноправными участниками взаимодействия в рамках учебной ситуации, одновременно не перестают быть членами студенческого коллектива, объединяемого своими собственными целями и задачами. Поэтому двойственность позиции говорящего в данном случае не могла не сказаться на характере использования личного местоимения *wir (мы)*, способного отразить принадлежность и к той и к другой группе. В этих условиях группа *мы (wir)* начинает терять свои конкретные очертания, в результате чего говорящий (преподавательница немецкого языка) вынужден вносить уточнения по ходу формирования текста, ср.: *Wir haben angefangen... die meisten von den Studenten mit Null-Kenntnissen* (т. е. *Die meisten von den Studenten haben angefangen mit Null-Kenntnissen*); или *Wir machen ziemlich viel Hausaufgaben; also, ich gebe... schriftliche Arbeiten zu Hause auf* (т. е. *Die Studenten machen ziemlich viel Hausaufgaben*). Очевидно, что истинность утверждения *Wir machen ziemlich viel Hausaufgaben* из-за присутствия в нем местоимения *wir (мы)*, автоматически включает в число индивидов, выполняющих домашнее задание, саму преподавательницу. Поэтому ей приходится сразу же сделать уточнение относительно своей роли в данном учебном эпизоде и тем самым исключить себя из группы *мы* (*Also, ich gebe... schriftliche Arbeiten zu Hause auf, Tests in Form eventuell von Diktaten. — То есть я задаю на дом письменные работы, тексты, обычно в форме диктантов*).

В тех случаях, когда диктор не делает никакого уточнения состава группы *мы*, высказывания носят весьма расплывчатый, неопределенный характер, что затрудняет их понимание слушающим. Так, например, высказывание *Wir haben jetzt eingeführt, das — em — die Studenten reihum kleine Referate oder Vorträge halten über bestimmte Probleme ihrer Länder* (*Мы сейчас ввели, что студенты по очереди делают маленькие рефераты или доклады по определенным проблемам своих стран*) может быть интерпретировано двояким образом в зависимости от того, какие групповые фоновые значения (временного «аудиторного» или постоянного «преподавательского» коллектива) были положены в основу его формирования. Если отнести обозначение *мы* к временному «аудиторному коллективу, то пресуппозицией данной ситуации будет соглашение, заключенное между преподавательницей и всеми остальными членами учебной группы (т. е. студентами) об использовании названного выше методического приема во время занятий. Однако если исходить из того, что установление методики проведения занятий находится в ведении преподавательского корпуса учебного заведения, то местоимение *wir (мы)* в данном высказывании может обозначать также преподавательский состав, который «ввел» (установил, рекомендовал и т. п.) такой порядок проведения занятий по немецкому языку, и, таким образом, местоимение *wir (мы)* может обозначать две совершенно разные по своему составу и выполняемым задачам группы индивидов. Правда, при условии, что говорящий выступает непререкаемым участником обеих групп.

Неопределенность того, что скрывается за обозначением *мы* (*wir*) в данном предложении, существенно затрудняет его интерпретацию. Как известно, такие фундаментальные понятия логической семантики, как референция и истина, оказываются тесно связанными в том отношении, что «нарушение, или, по крайней мере, неопределенность референции, ведет к нарушению истинности данного контекста» (Демина 1990: 11). В этой связи целесообразно вспомнить также гипотезу Т.М. Николаевой о том, что «конкретное, индивидуальное противопоставлено не одному, а двум смысловым полям: обобщенному, с одной стороны, и неопределенному — с другой» (Николаева 1990: 235). Личное местоимение (*мы*) как необходимый элемент дейктической системы языка обладает не только индексальным, т. е. связанным со способом указания дейктического выражения на экстралингвистический референт, значением, но и символическим значением, которое «описывает то инвариантное, что содержится в каждом случае употребления одного и того же выражения» (Иоанесян 1990: 34). Инвариантным значением, проявляющимся во всех случаях употребления местоимения *мы*, можно считать выражение обобщенности, целостности группы субъектов, обозначаемых этим местоимением. В реальной действительности группе *мы* соответствуют вполне конкретные референты, потому что, по определению Ф. Джустини-Фичи, «субъектом предложения могут быть только референтные имена» (Джустини-Фичи 1990: 260), и хотя местоимения всего лишь «заменяют имя», это правило действительно и для них. Поэтому адекватное представление в тексте того, что в реальной действительности имеет вполне конкретные очертания (например состав группы *мы*), во многом зависит от устранения неопределенности, содержащейся в виртуальном значении местоимения *wir* (*мы*) и «снятие» которое происходит под воздействием контекста и ситуации. Даже неясное в референциальном плане высказывание ни говорящий, ни слушающий, как правило, сразу не воспринимают семантически аномальным, поскольку «неопределенность референции не означает ее отсутствия» (Демина 1990: 20). Осознание некоторой аномальности смысловой структуры высказывания обычно происходит с небольшой задержкой (если вообще происходит), что заметно, например, при самокоррекции в спонтанной речи.

Немаловажным моментом в подходе к анализу смысловой структуры текста в аспекте интерпретации личных местоимений является также то, что условия истинности всего высказывания находятся в прямой зависимости от условий истинности (т. е. идентификации) его составных частей, несущих смысл (Lang 1983: 117), причем характерной чертой идентификации является не градуальное, а однозначное отражение объектов и явлений действительности (Bierwisch 1983: 61). И хотя, кажется, еще никто не опроверг правила, согласно которому «свобода выбора при декодировании предполагает, что получатель ни в коей мере не является беспомощным, попавшим в ловушку языковых механизмов власти отправителя, он не обязан также принимать предлагаемое отправителем структурирование» (Блакар 1987: 116), определенные элементы смысловой структуры высказывания должны быть интерпретированы и отправителем, и получателем возможно более однозначно.

Возвращаясь к интерпретации предложения *Wir haben jetzt eingeführt, dass – em – die Studenten reihum kleine Referate oder Vorträge halten über bestimmte Probleme ihrer Länder*, необходимо заметить, что проблема его истинности/ложности во многом обуславливается именно неоднозначностью толкования субъекта действия, содержащегося в главном предложении, а именно личного местоимения *wir* (*мы*). Сложность интерпретации этого предложения усугубляется также присутствием в его составе временного показателя *jetzt* ('сейчас'), способного передавать «идею синхронности двух различных планов описания» и подчеркивать «сосуществование разных миров» (Яковлева 1990: 242). Однако в связи с тем, что данное направление не затрагивается в нашем исследовании, мы ограничиваемся лишь

констатацией самого факта влияния временного показателя *jetzt* на семантическую структуру высказывания.

Для точной идентификации группы *мы* (*wir*) целесообразно воспользоваться правилом «распознавания миров» М. Бирвиша, согласно которому «из двух миров w_1 и w_2 реальным (по отношению к другому) окружающим миром является тот, который служит основой для принятия конкретного поведенческого решения» (Bierwisch 1983: 52). Конкретным проявлением такого поведенческого решения может служить, например, вербальная или другая реакция отправителя или получателя на произносимое высказывание. Частным случаем подобной реакции можно считать, например, многочисленные факты «саморедактирования» или «самокоррекции» говорящего, уточняющего некоторые обстоятельства по уходу формирования высказывания. В рассмотренном случае это уточнение, сделанное диктором после нескольких употреблений местоимения *wir* (*мы*), в самом конце сообщения. Первоначальная ошибка в выборе когнитивной установки, отвечающей условиям данного конкретного акта коммуникации, могла повлечь за собой искажение истинности сообщения, и поэтому преподавательнице пришлось сделать необходимое уточнение.

Конечно, сделанное уточнение (*я задаю на дом письменные работы...*) выглядит несколько запоздалым, к тому же остается невыясненным, относится ли оно только к последнему (т. е. непосредственно примыкающему к нему) употреблению местоимения (*мы*) или же действительно для всех предшествующих упоминаний. Для объяснения этого феномена следует обратиться к некоторым особенностям структурно-семантической и фонетической организации спонтанной речи. Как известно, для речевого поведения говорящих в условиях неподготовленного общения характерна некоторая инерционность действий. Так, например, отмечается своеобразное «перескакивание» говорящего через границы между фразами, в результате чего может возникнуть противоречие между смысловой структурой и просодической организацией речи (Фонетика спонтанной речи 1988: 145), или присоединение «с разбегу» к главному предложению подчинительного союза последующего придаточного, в то время как само придаточное предложение (уже без союза) образует отдельную синтагму (Потемина 1987: 127). (Кстати сказать, одно из предложений анализируемого фрагмента обнаруживает именно эту особенность членения в условиях неподготовленного общения, ср.: *Wir haben jetzt eingeführt, dass — em — die Studenten reihum kleine Referate oder Vorträge halten...*) Вероятно, процесс осознания семантической аномальности формируемого содержания также подвержен инерции, причем в гораздо большей степени, чем осознание других видов аномальности текстовой структуры.

Таким образом, референциальная неопределенность даже одного строевого элемента (в данном случае местоимения *wir*) может повлечь за собой искажение истинности всего высказывания. Это положение может усугубиться в том случае, если говорящий не сразу заметит референциальную аномальность порождаемого высказывания (или если ему на это сразу не укажет слушающий) и раз за разом будет употреблять в дальнейшем данный референциально-неопределенный элемент. Тогда, столкнувшись с запоздалой «самокоррекцией» говорящего, слушающий должен будет не только определить, к какому высказыванию (текущему или более ранним) относится ошибка говорящего, но и произвести «переоценку» содержания всего фрагмента (текста) в целом.

Референциальная неопределенность заложена в самом значении местоимения *мы*: как известно, оно указывает на некое множество лиц, включающее говорящего (Подробнее см.: Краткая русская грамматика 1989: 206). Для снятия этой неопределенности говорящему приходится постоянно обращаться к разным пластам своих фоновых знаний. Заменяя одно личное местоимение другим (например, *мы* на *я*), говорящий акцентирует внимание адреса-

та (адресатов) на своем собственном примере как «точке когнитивного отсчета»; используя вместо местоимения именную группу (например, *wir* — *die meisten von den Studenten*, см. выше), он более точно определяет вышеуказанное «множество лиц» и тем самым облегчает слушающему идентификацию референта.

Система знаний индивида постоянно претерпевает изменения, в основе которых лежат как онтогенетические, так и чисто ситуативные факторы. Изучение референциальных особенностей речи в зависимости от фонда знаний говорящего способно пролить свет на многие неизвестные стороны развития языковой способности человека и влияние социальных факторов на использование языка.

6. Перспективы дальнейшего изучения немецких местоимений

В современной германистике все чаще можно встретить мнение, согласно которому местоимения следует трактовать не только как слова, способные замещать имя или указывать на партнеров по коммуникации, но и как элементы, выполняющие важную роль в осуществлении референции, а также (подобно артиклю) выступающие в качестве проводников имени со всеми вытекающими отсюда функциональными последствиями.

Х. Вайнрих в своей известной «Текстовой грамматике немецкого языка» (*Textgrammatik der deutschen Sprache*) рассматривает немецкие местоимения (кроме личных местоимений) как особый вид артикля (*der spezifische Artikel* 'специфический артикль'). В отличие от традиционных «простых» — по терминологии Х. Вайнриха — определенного и неопределенного артиклей (*der einfache Artikel*), выступающих в анафорической и катафорической функциях (*Weinrich* 2003: 406), специфический артикль содержит в своем значении дополнительные содержательные признаки, позволяющие передавать нюансы ролевых и количественных характеристик, привлекать внимание к референту и т. п., что отражается в названиях разновидностей специфического артикля *Possessiv-Artikel*, *Demonstrativ-Artikel*, *Quantitativ-Artikel*, *Identifikativ-Artikel*, *Negativ-Artikel* (*Ibid.*: 432).

В самом общем плане немецкий исследователь определяет местоимения как «морфемы, особым образом выражающие роли участников общения», или, по его словам, «грамматические лица» (*grammatische Personen*)» (*Ibid.*: 94). Тем самым при определении сущности этого частеречного класса автор исходит из традиционного понимания местоимений как «личных местоимений» (*Personal-Pronomina*). Однако благодаря своей падежной дифференциации они могут выполнять различные функции в высказывании, выступая в роли актантов, и если учитывать этот факт, то правильнее было бы называть их, по мнению Х. Вайнриха, «ролевыми местоимениями» (*Rollen-Pronomina*) (*Ibid.*).

Среди понимаемых так местоимений (или, лучше сказать, местоимений в узком смысле слова. — *К.Ф.*) немецкий ученый выделяет те, которые служат для воплощения примарных коммуникативных ролей говорящего (*ich*) и слушающего (*du*), а также местоимения, служащие для осуществления референции (личные местоимения 3-го лица *er*, *sie*, *es*). Последние Х. Вайнрих предлагает именовать «референциальными местоимениями» (*Referenz-Pronomina*) и добавляет к ним также указательные местоимения (*der*, *die*, *das*), обладающие похожими функциями (*Ibid.*: 94–96). В функциональном плане отличия между названными выше двумя группами референциальных местоимений автор видит в том, что первые (т. е. *er*, *sie*, *es*) выступают в роли тематических элементов высказывания, а вторые (т. е. *der*, *die*, *das*) — в роли рематических элементов. Тем самым учитывается различный информационный профиль (*Informationsprofil*) текста, определяемый его тема-рематическим строением.

Таким образом, Х. Вайнрих предлагает свою собственную парадигму местоимений (Ibid.: 96), в которой учитывается как их роль в указании на участников акта коммуникации, так и их значимость в обеспечении референции текста.

Таблица 5. Парадигма местоимений немецкого языка в концепции Х. Вайнриха

Numerus	Gesprächsrollen	Kasus			
		Nominativ	Akkusativ	Dativ	Genitiv
Singular	Sprecher	<i>ich</i>	<i>mich</i>	<i>mir</i>	<i>meiner</i>
	Hörer	<i>du</i>	<i>dich</i>	<i>dir</i>	<i>deiner</i>
	Referenzrolle				
	Thema	<i>er/sie/es</i>	<i>ihn/sie/es</i>	<i>ihm/ihn/ihm</i>	<i>seiner/ihrer</i>
	Rhema	<i>der/die/das</i>	<i>den/die/das</i>	<i>dem/der/dem</i>	<i>dessen/derer</i>
Plural	Sprecher	<i>wir</i>	<i>uns</i>	<i>uns</i>	<i>unser</i>
	Hörer	<i>ihr</i>	<i>euch</i>	<i>euch</i>	<i>euer</i>
	Referenzrolle				
	Thema	<i>sie</i>	<i>sie</i>	<i>ihnen</i>	<i>ihrer</i>
	Rhema	<i>die</i>	<i>die</i>	<i>denen</i>	<i>derer</i>

По словам автора, большинство форм в парадигме референциальных местоимений выполняет только одну функцию (*ich, du, er, wir, mich, dich, ihn, den, mir, dir, ihnen, denen, meiner, deiner, unser, euer*), другие местоимения совмещают несколько функций (*sie, es, der, die, das, ihm, ihr, ihrer, derer*). Кроме того, парадигма единственного числа референциальных местоимений имеет более сложный вид, нежели парадигма множественного числа, а функции местоимений, выполняющих референцию, более разнообразны по сравнению с местоимениями, воплощающими другие ролевые характеристики. Автор обращает внимание также на то, что в парадигме множественного числа немецких местоимений отсутствует разграничение так называемых инклюзивных и эксклюзивных форм: *Du und ich, wir sind der Meinung, dass...* (Inklusiv-Plural); *Im Gegensatz zu euch und allen andern sind wir der Meinung, dass...* (Exklusiv-Plural) (Ibid.: 97)

Значение ролевых местоимений выявляется участниками прямо или опосредованно, исходя из прототипической коммуникативной ситуации общения при наличии зрительного контакта (mit Blickstellung). Местоимение *ich* воплощает коммуникативную роль говорящего, местоимение *du* — роль слушающего. Обе коммуникативные роли и выражающие их местоимения имеют четкие очертания благодаря зримому представлению ситуации общения и не нуждаются в дальнейшем уточнении.

Сами роли говорящего и слушающего, воплощаемые местоимениями *ich* и *du* вместе с их падежными формами, с необходимостью предполагают, что они (местоимения) главным образом обозначают лица, т. е. живые существа, способные вести речевую коммуникацию. Как правило, это люди, но в определенных контекстах, например, в басне, животные и предметы также могут рассматриваться в качестве лиц, способных производить и понимать речь. Иными словами, категория лицо может рассматриваться как воплощение всех тех существ, которые в ходе языковой игры могут выполнять роль говорящего и слушающего.

Совсем по-иному обстоит дело с референциальными ролями. Эта категория в противоположность примарным коммуникативным ролям является остаточной категорией (Rest-Kategorie), которая в данной ситуации может означать «все, что угодно» (alles Mögliche), кроме тех лиц, которые уже выполняют роли говорящего и слушающего. Тем самым это могут быть все другие лица или все возможные предметы, т. е. в противоположность кате-

гориям говорящего и слушающего референциальная характеристика не предполагает разграничения ролей в зависимости от того, кто их воплощает — одушевленные существа (лица) и неодушевленные предметы. Поэтому категория референциальной роли имеет менее четкие очертания, чем обе первичные роли. Необходимыми условиями для оформления четких контуров референциальных ролей служат контекст и ситуация (Ibid.: 97–98).

Несомненно, позиция Х. Вайнриха, объединяющего в группу референциальных местоимений личные и указательные местоимения, заслуживает всяческого одобрения. И та, и другая группа обеспечивает референцию в тексте. Однако анализ речевого материала, проведенный в разделах 3–5 настоящего исследования, позволяет усомниться в однозначности определения личных местоимений *er, sie, es* как элементов, воплощающих тему, а указательных местоимений *der, die, das* как элементов, связанных с ремой высказывания.

Особенность вышеназванных немецких личных и указательных местоимений состоит в том, что они могут занимать одни и те же синтаксические позиции в высказывании, а это противоречит их четкому разделению на тематические и рематические местоимения. Выше уже рассматривались примеры, взятые из «Словаря трудностей немецкого языка». На вопрос: *Wo ist denn Karl?* возможны два ответа: *Er sitzt im Zimmer* или *Der sitzt im Zimmer*, причем второй вариант чаще встречается в разговорной речи, т. е. там, где сама речевая ситуация подсказывает правильную идентификацию референта. То же самое можно сказать и о другом примере: *Er fragte nach der Kranken, aber die (вместо sie) war schon wieder entlassen*. В обоих случаях и личное местоимение, и указательное местоимение занимают одну и ту же синтаксическую позицию, и выполняют функцию темы. Кстати сказать, известный немецкий грамматист Ульрих Энгель также объединяет личные местоимения 3-го лица и указательные местоимения в одну группу указательных местоимений (Verweispronomina), добавляя к ним также относительные и возвратные местоимения (Engel 1994: 75), но при этом он вообще не касается их взаимной дистрибуции.

Несомненно, перспектива дальнейшего исследования местоимений располагается в области референциальных отношений в тексте, что влечет за собой решение проблем, связанных с разграничением локальной и глобальной когерентности текста. Обнадеживающие результаты таких исследований достигнуты, например, в корпусной лингвистике, где проблемы когерентности текста решаются на основе построения «референциальных матриц» (Referenz-Matrix) или составления «коререференциальных аннотаций» (Koreferenz-Annotation) с помощью современных компьютерных программ (подробнее см.: Stede 2007: 55–71).

Особый интерес представляют собой тексты, в которых параллельно в качестве заместителей имени выступают личные и указательные местоимения. Способы построения многозвенных референциальных цепочек, а также закономерности в выборе говорящим того или иного способа указания на какой-либо элемент действительности (с помощью имени или местоимения) в различных типах текстов требуют своего внимательного изучения с использованием новейших методов лингвистического анализа (в качестве примера такого анализа см., например: Thurmair 2003). Изучение совместной «местоименной игры» в обеспечении референции высказывания и создании многозвенных коререферентных цепочек может пролить свет на тайны локальной и глобальной связности текста.

Литература

- Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков / Под ред. Н.Н. Семенюк, О.А. Радченко, Л.И. Гришаевой. М., 1999.
- Абрамов Б.А. Функционально-семантический подход при сопоставительно-типологическом изучении грамматических категорий глагола // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1987.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / Сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. М., 1987. С. 88–125.
- Венгер Л.А., Мухина В.С. Психология. М., 1988.
- Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М., 1983. С. 483–550.
- Гудман Б.А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV: Компьютерная лингвистика / Сост., ред. и вступ. ст. Б.Ю. Городецкого. М., 1989. С. 209–258.
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. М., 1989.
- Демина Л.А. Парадоксы неререференциальности // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 10–20.
- Джусти-Фичи Ф. Объект и транзитивность // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 259–270.
- Добрович А.Б. Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М., 1987.
- Жаров Б.С. Замещение как языковое явление. Л., 1984.
- Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Современный немецкий язык. 3-е изд. М., 1957.
- Иоанесян Е.Р. Противоречивость и точка отсчета // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 33–44.
- Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988.
- Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.
- Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.
- Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М., 1989.
- Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.

- Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. 2-е изд. М., 1987.
- Николаева Т.М.* О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 225–234.
- Потемина Т.А.* Особенности синтагматического контекста в спонтанной речи и чтении // Фонетика устного текста / Отв. ред. Г.М. Вишневская. Иваново, 1987.
- Психология: Словарь.* 2-е изд. / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
- Селиверстова О.Н.* Местоимения в языке и речи. М., 1988.
- Сотникова А.Л.* Грамматические категории лица и числа личных местоимений в немецком языке и персональная локализация высказывания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990.
- Степанов Ю.С.* В мире семиотики (вступительная статья) // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М., 1983.
- Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М., 1985.
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Турьгина Л.А.* Моделирование языковых структур средствами вычислительной техники. М., 1988.
- Филиппов К.А.* Языковая компетенция и порождение спонтанного текста // Языковые единицы в речевой коммуникации. Л., 1991. С. 50–61.
- Филиппов К.А.* Личные местоимения и онтогенез речи (на материале немецкого языка) // Вестник С.-Петербург. университета. Сер. 2, 1992. Выпуск 2 (№ 9). С. 38–43.
- Филиппов К.А.* К вопросу о референциальной неопределенности высказывания // Функционально-текстовые аспекты языковых единиц. СПб., 1995. С. 70–77.
- Фонетика спонтанной речи* / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Е.И. Гейльман и др.; Под ред. Н.Д. Светозаровой. Л., 1988.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Яковлева Е.С.* О связи дейксиса и модальности // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 235–245.
- Bierwisch M.* Psychologische Aspekte der Semantik natürlicher Sprachen // Richtungen der modernen Semantikforschung / Hrsg. v. W. Motsch, D. Viehweger. Berlin, 1983.
- Filippov K.* Mündliche und schriftliche Texte im Deutschunterricht — zum Problem der Pronominalisierung im Deutschen // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch / Deutscher Akademischer Austauschdienst. М., 1992. S. 25–28.
- Filippov K.* Einige Probleme der Syntax und Intonation gesprochener Sprache // Probleme der funktionellen Grammatik / Hrsg. Fr. Simmler. Bern, 1993. S. 97–103.
- Filippov K.* Textproduktion und Referenzidentität // Textsorten und Textsortentraditionen / Hrsg. Fr. Simmler. Bern, 1997. S. 163–170.
- Helbig G.* Geschichte der neueren Sprachwissenschaft: Unter dem besonderen Aspekt der Grammatik-Theorie. Leipzig, 1986.
- Helbig G., Buscha J.* Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. 2. Aufl. Leipzig, 1974.
- Henne H., Rehbock H.* Einführung in die Gesprächsanalyse. 2. Aufl. Berlin; New York, 1982. S. 32–35.
- Jung W.* Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1973.

- Kleine Enzyklopädie Deutsche Sprache* / Hrsg. W. Fleischer, W. Hartung, J. Schildt, P. Suchsland. Leipzig, 1983.
- Lang E.* Die logische Form des Satzes als Gegenstand der linguistischen Semantik // Richtungen der modernen Semantikforschung / Hrsg. v. W. Motsch, D. Viehweger. Berlin, 1983.
- Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini* / Hrsg. v. R. Conrad. Leipzig, 1985.
- Schulz D., Griesbach H.* Grammatik der deutschen Sprache. 11. Aufl. / Neubearb. v. H. Griesbach. München, 1988.
- Stede M.* Korpusgestützte Textanalyse. Grundzüge der Ebenen-orientierten Textlinguistik. Tübingen, 2007.
- Thurmair M.* Referenzketten im Text: Pronominalisierungen, Nicht-Pronominalisierungen, und Renominalisierungen // Am Anfang war der Text. 10 Jahre „Textgrammatik der deutschen Sprache“ / Hrsg. v. M. Thurmair und E.-M. Willkop. München, 2003. S. 197–220.
- Ulrich W.* Linguistische Grundbegriffe. 5. Aufl. Berlin; Stuttgart, 2002.
- Wörterbuch der Sprachschwierigkeiten: Zweifelsfälle, Normen und Varianten im gegenwärtigen deutschen Sprachgebrauch* / Hrsg. v. J. Dückert und G. Kempcke. Leipzig, 1984.

СПИСОК художественных текстов

- Böll H.* Die verlorene Ehre der Katharina Blum: 23. Aufl. München, 1987.
- Rücker G.* Sieben Takte Tango: 11 Hörspiele und 1 Komödie. Leipzig, 1979.
- Der Platz am Fenster. S. 9–28.
 - Der Platz am Fenster gegenüber. S. 29–50.
 - Erzählung eines Stiefsohns. S. 51–66.
 - Requiem für einen Lampenputzer. S. 67–82.
 - Garne und Gewebe. S. 83–102.
 - Siebzig Jahre. S. 103–122.
 - Das Modell. S. 123–154.
 - Portrait einer dicken Frau. S. 155–180.
 - Private Galerie. S. 181–212.
 - Sieben Takte Tango. S. 213–238.
 - Einer Reise zusehen. S. 239–266.
 - Der Herr Schmidt. Ein deutsches Spektakel. S. 267–328.
- Strahl R.* Mein Zustand ist ernst, aber nicht hoffnungslos. Berlin, 1989 (= Roman-Zeitung; 474).

Содержание

1. К вопросу о природе местоимений.....	3
2. Личные местоимения в системе указательно-заместительных слов	5
3. Личные местоимения и онтогенез речи	7
4. О соотношении личных и указательных местоимений в устной и письменной речи.....	11
5. Личные местоимения и референциальная неопределенность высказывания.....	14
6. Перспективы дальнейшего изучения немецких местоимений.....	18
Литература.....	21
Список художественных текстов.....	23

Научные доклады

Константин Анатольевич Филиппов

НЕМЕЦКИЕ МЕСТОИМЕНИЯ

(размышления о статусе, функциях и перспективах изучения)

Зав. редакцией *Г.И. Чередниченко*

Редактор *Е.П. Парфенова*

Технический редактор *Л.Н. Иванова*

Оригинал-макет *А.К. Филиппов*

Подписано в печать с оригинала-макета 16.07.2008.

Ф-т 70×100/16. Усл. печ. л. 1,93.

Уч.-изд. л. 3,65. Тираж 75 экз. Заказ № **257**.

РИО Факультета филологии и искусств СПбГУ.

199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Типография Издательства СПбГУ.

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.